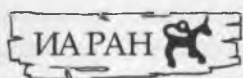

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОЛЬ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО ДЕЛА В РАЗВИТИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ

Тезисы докладов
Международной научной конференции

Москва
2012

УДК 902/903
ББК 63.4
Р68

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН*

Ответственный редактор В.И. Гуляев
Составитель Т.Ю. Шведчикова

Р68 Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.И. Гуляев – М.: Институт археологии РАН, 2012. – с. 56
ISBN 978-5-94375-139-4

Сборник тезисов докладов конференции дает представление о современном освещении в археологии проблемы роли войны и военного дела в эволюции человеческого общества по материалам разных эпох (от мезолита до позднего средневековья) и разных территорий. Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, антропологов и для всех, кто интересуется актуальными вопросами древней и средневековой истории.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-139-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2012 г.

Л.И. Бабенко

Кончина Атея: трагическая гибель или счастливая развязка?

Наиболее драматическим эпизодом скифской политической истории IV в. до н.э. является гибель Атея в сражении с войском македонского царя Филиппа II. Военное поражение скифов имело негативные последствия и для мирного населения – «взято было 20 тысяч детей и женщин, множество скота, ... 20 тысяч кровных кобылиц отослано в Македонию для произведения породы» (Помпей Трог, Филипповские истории, IX, 2). Однако есть основания полагать, что минорный характер окончания жизненного пути скифского царя вовсе не воспринимался таковым его соплеменниками.

Хорошо известны засвидетельствованные древними авторами представления варварских народов (каспиев, гирканцев, массагетов, бактрийцев, согдийцев) о некоем «пределе жизни» (Рапопорт, 1971, с. 25–33; Михайлин, 2005, с. 121, 122). К затянувшейся старости сурово относились аланы (Аммиан Марцеллин, 31, 2, 22). Скифы Плиния (Естественная история, IV, 26) и Помпония Мела (Землеописание, III, 5), не желая стареть, бросались со скалы в море. У языгов старики заставляли убивать себя мечами своих сыновей (Валерий Флакк, Аргонавтика, 6, 122–125). Обычай умерщвления стариков нашел отражение и в осетинском нартовском эпосе и Авесте (Бессонова, 1983, с. 63, 64; Дюмезиль, 1990, с. 199–204).

Максимальный предельный возраст чаще всего равнялся 60 годам. Именно этот срок был рубежным для старшей из пяти возрастных групп мужских товариществ хорезмских узбеков (Рапопорт 1971, с. 33). 60-летних стариков, по сообщению Климента Александрийского, умерщвляли в стране гипербореев (Ковры, I, 15, 27).

В контексте этих представлений интересно проанализировать дошедшие до нас сведения о долголетию Атея, погибшем в 90-летнем возрасте в битве с войсками Филиппа Македонского. Сразу же бросается в глаза ровно полутора-кратное превышение Атеем максимального предельного возраста. Совсем не исключено, что информатор, сообщая о возрасте Атея, вкладывал совсем иной подтекст, не понятый древними авторами (Лукиан, Долговечные, 10), и речь здесь шла не о физическом возрасте скифского

царя, а о другом, не разгаданном и современниками, и учеными, смысле.

Если же Атей действительно дожил до столь внушительного возраста, то подобное долголетие могло вызвать у соплеменников никак не восхищение, а, скорее, замешательство. Ведь согласно скифской концепции царской власти царь был фигурой священной, прямым потомком богов, наделенным космологическими функциями, деяние которого составляли сакральное действие. Одновременно царь осознавался как личностное воплощение всего коллектива, с его благополучием и могуществом связывалось благополучие и могущество социального организма (Кузьмина, 1976б, с. 57; Раевский, 1977, с.12, 101, 102, 161–164; Бессонова, 1983, с. 65, 66). Поэтому царь, являясь оплотом и хранителем миропорядка, своим долголетием одновременно нарушал важнейшие его устои, подвергая угрозе благополучие всего народа, что требовало скорейшего разрешения возникшей опасности.

Наряду с этим наличествует еще один аспект, также позволяющий по-новому взглянуть на один из возможных мотивов скифо-македонского конфликта. Если, как и у алан, у скифов считался счастлив тот, кто выпускал дух в сражении (Аммиан Марцеллин, 31, 2, 22), при одновременном достижении предельно допустимого возраста правителя, война с Филиппом Македонским и героическая гибель в сражении Атея были необходимы для достойного и своевременного завершения земного пути скифского царя с последующим попаданием в Геррос – мифический загробный мир воинов, павших на поле брани (Белозор, 1987, с. 18–20). В этом случае становится понятным «издевательский» тон общения Атея с Филиппом, явно провоцирующим последнего на открытый конфликт (Помпей Трог, Филипповские истории, IX, 2).

Таким образом, глубинные причины скифо-македонского конфликта могут зиждаться, во-первых, на необходимости своевременно, в положенный срок, завершить жизненный путь царя, а во-вторых – закончить его достойно, в сражении с равным по статусу и положению противником, дабы иметь основание претендовать на подобающее место в загробном мире павших в бою воинов.